

ТАНЕЦ МАСОК

ЛЮБОВЬ ЛАТТ

Изящная белая линия скользнула по черному фону... Вот она обрисовала могучую мужскую грудь; спустилась по ноге, выявила упругую силу бедра; взметнувшись вверх, превратилась в сильные мускулистые руки, устремленные навстречу воздушному созданию в прозрачных одеждах. И пусть они не выходят за пределы плоскости картона, на котором нарисованы цветной пастелью, и маски на лицах усиливают их вневременной характер, мы вместе с мастером открываем любовь самым совершенным творением природы - человеком ("Танец в масках"). Такой же человек-маска, обтянутый темным трико, кружится в иступленном танце, увлекая за собой неземных дев в звездное пространство ("Космический танец").

В этих и других произведениях Зелия Смехова, представленных на выставке в большом холле ИМКА в Иерусалиме, художник поэтизирует красоту и пластику человеческого тела. Движением, реальным и воображаемым, мастер воссоздает разнообразную гамму эмоций, выражает такие общие понятия, как любовь, душевный пот, ревность, страсть... Иногда в поисках музыкального ритма и плавного жеста художник оказывается на грани красоты и красноты, но все же не переступает эту грань, сохраняя верность подлинной Красоте.

З.Смехов. Танец в масках. 1994

Мастерство добывается долгим трудом и упорной учебой. Скромный, даже, может быть, излишне застенчивый, с тихим голосом, мягким взглядом серо-голубых глаз и маленькой чеховской бородкой, 55-летний Зелий не находит в своей жизни ничего достопримечательного. Но рос он в артистической среде, в доме, где сам воздух был насыщен искусством. Его отец, известный московский график Лев Смехов, которого до сих пор боготворит сын, впервые привел в Третьяковскую галерею пятилетнего Золу - и навсегда посеял в его душе трепет и благоговение перед полотнами Сурикова, Репина, Серова... Позже он откроет для себя Врубеля и Филонова, а пока, учась в Художественной школе для одаренных детей, помещавшейся здесь же, в Лаврушинском переулке, Зелий вместе с ватагой своих одноклассников бежит в Третьяковку, спасаясь от скуки некоторых школьных предметов. Дирекции приходилось даже прибегать к запрету продавать входные билеты ученикам...

Потом, в 60-е годы, был факультет графики в Художественном институте имени Сурикова и обучение в творческой мастерской Академии художеств под руководством профессора Е.А.Кибрика. С 1967 года Зелий Смехов участвует в многочисленных международных выставках, а в 1971 году становится членом Союза художников СССР. В 1991 году он репатрируется в Израиль.

3 ИЮНЯ 1994 г.

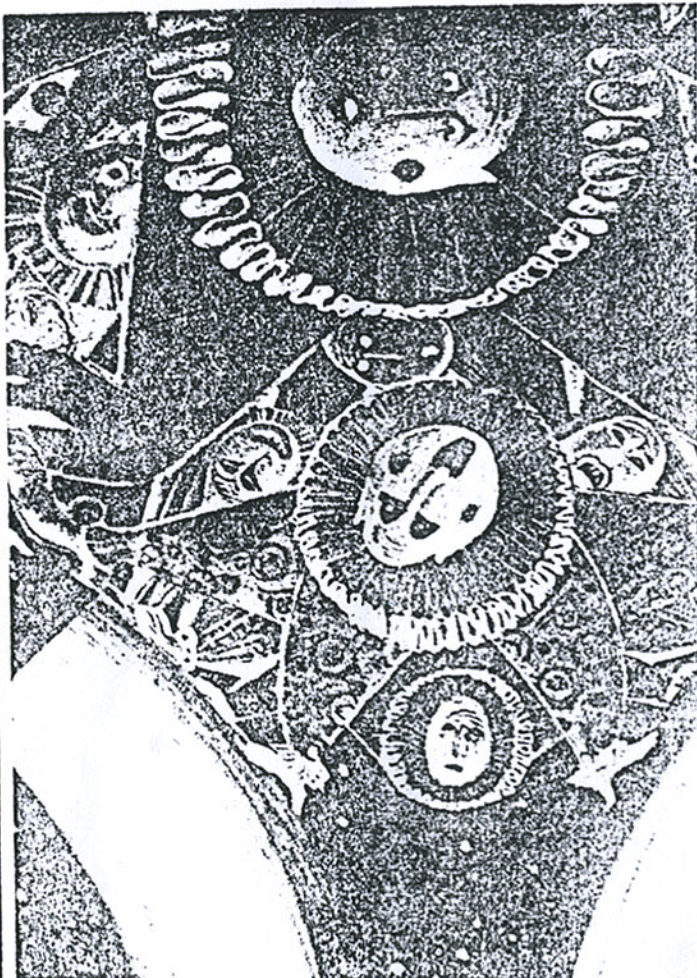
Галерея

9

"Последний год жизни в России, - говорит Зелий, - был особенно тяжелым. Кажется, все рушится, все летит в пропасть... Почти физическое ощущение". Тогда, в 1990 году Смехов создает серию из двенадцати картонов "Апокалипсис", которая приобретает известность в Израиле год спустя, после показа на выставке в Доме Сионистской Конфедерации. В символической форме художник запечатлел картины грядущих судеб человеческих, страшных видений конца мира. В неуправляемой скачке несутся кони. Охваченные страхом, обуреваемые безумием. В бессмысленное никуда.

Свое восхищение страной, ее архитектурой, ландшафтом и людьми Зелий Смехов выразил во множестве пейзажей, большей частью в технике пастели. "Выставка пейзажей" была второй экспозицией его работ в стране. Не яркое израильское солнце, которое вдохновляло многих художников, старожиллов и гостей, и не предзакатное небо гор и пустыни с его богатством тончайших переходов и оттенков - нет, Смехова поразило ночное иерусалимское небо и свет электрических фонарей, придающих всему какой-то невыразимо таинственный и сказочный вид.

...Узкая улочка, ведущая к Старому городу. Многочисленные, словно нанизанные на нить, художественные галереи и сувенирные лавочки. Свет электрических фонарей-шаров скользит по купе темно-зеленых деревьев, отступает к заднику - зубчатой башне Старого города, и там рассыпается фейерверком мелких огней. Зага-

З.Смехов. Шут. 1994

дочная девушка на переднем плане с длинными змеями волос цвета красной меди. В памяти возникают хорошие декорации старого доброго времени...

Может быть, именно сферические фонари сумеречной иерусалимской улицы подсказали художнику идею шарообразных голов-масок в цикле произведений, о котором шла речь. Во всяком случае, влияние театра, острого, преображающего жизнь, превращающего явление действительности в предмет искусства, ощутимо в творчестве Смехова. Культ театра господствовал в семье Смеховых. Достаточно еще раз вспомнить отца, Льва Смехова, и известного актера Вениамина Смехова, двоюродного брата художника.

Здание ИМКА в Иерусалиме на картине того же названия подобно зачарованному замку, наполовину скрытому густой темной зеленью. Это строение в "эклектичном" стиле, воздвигнутое в 30-х годах нашего столетия, призвано символизировать синтез архитектуры Востока и Запада. Приземистый купол и вознесенная башня, легкие открытые аркады и затемненные длинные коридоры. Освещенный снаружи невидимым источником, массив ИМКА выделяется ярким пятном на фоне темно-синего неба, оттененного пурпурными и густо-зелеными штрихами.

В одном из залов этого здания и размещалась экспозиция новых работ Зелия Смехова - художника, воспевающего Красоту.

Графические листы и живопись, представленные на выставке в зале ИМКА, отмечены тонким чувством ритма и изысканной грацией. Иногда они воскрешают в памяти образы античной вазовой живописи ("Танец на красном"), еще чаще - европейского Арт Нуво, к которому отчасти относят и Врубеля ("Танец страсти", "Похищение"), но всегда усвоенные извне, переплавленные в горниле собственного восприятия мира. "Эклектизм, - скажет иной ворчливый зритель, - стилизация"... Однако прислушаемся к беседе Марины Цветаевой с Натальей Гончаровой:

"Эклектизм? И этого не понимаю. Эклектизм - одеяло из лоскутов, сплошные швы. Раз шва нет - мое. Влияние иконы? Персидской миниатюры? Я не слепа. Не для того смотрела, чтобы забыть. Если вы читаете Шекспира и Шекспира любите, неужели вы его забудете, садясь за своего Гамлета, например?... Он в вас, он стал частью вас... (Я, мысленно: претворенный, неузнаваемый) Забыть... нельзя забыть вещи, которые уже не вне вас, а в вас... Этот страх влияния - болезнь. Погляжу на чужое и свое потеряю... И какое же это свое, которое потерянному быть может? (И я, мысленно: влияние НА, вздор. Это давление НА, влияние В, как река в реку, поди-ка разбери, чья вода - Роны или Лемана. Новая вода, не бывшая. СЛИЯНИЕ)".

Из итальянской Комедии дель Арте пришли Арлекин и Коломбина, - картон, включенный в цикл того же названия. Простонародной непосредственностью они призваны были веселить публику - как вызывают смех у чертенят и клоунов, озорно выглядывающих из-за занавеса, за которым видны рассыпающиеся в открытом небе грозды фейерверка. Смехова манит, как манил многих художников Мира Искусств, иллюзорный мир театра и, в небольшой степи, французской Комедии XVII-XVIII веков - театра Мольера и Бомарше с их блестящими мистификациями - преднамеренными или непреднамеренными, обманами - ради шутки или с корыстными целями...

Зелий Смехов

Художник использует приемы сюрреалистического искусства, легко отделяя головы-маски от туловищ - но при этом весьма тактичен по отношению к эстетическому чувству зрителя, который невольно принимает все условия шутки-игры ("Танец с Амуром"). Вместо переодевания костюмов здесь - переодевание масок, личин. Порой шутка уступает место иронии - в "Жонглерах", например, вместо мячей беспечно перебрасываются

головами, - а безобидная ирония переходит в едкий сарказм. Такова трилогия, точнее, три варианта картины "Шут". Все смешалось в безумной чехарде; маски притворяются людьми, а люди надевают маски. Шут в облике толстяка с лысым черепом, лежащим на воротнике испанской моды XVI века, словно на блюде, кувиркается, давит на чью-то шарообразную голову-маску и зажимает ей рот. Понять смысл этой метафоры нетрудно. В другой картине прозрачные, лишенные массы фигуры, символы которые виден черный фон листа, символизируют зыбкость, неустойчивость, непрочность бытия.

Серия "Танцев" и "Шутов" - самая последняя работа Зелия Смехова, выполненная в нынешнем, 1994 году.

При всех неожиданных находках, смелых метафорах в искусстве Смехова нет эпатажа, стремления поразить зрителя непохожестью ни на кого, шокировать его низкопробной "новизной". Новизна художника - в другом: в умении использовать старое, богатое культурное наследие прошлых веков. Даже в таком произведении, как "Танец масок" (кстати, единственный на этой выставке, созданном еще в России), где маленькие человечки, надев устрашающие колоссальные маски с клыками и высунутыми языками, затеяли свою бессмысленную пляску, - даже в этом картоне сказалось не столько влияние сюрреализма, сколько следование старой европейской традиции в изображении химер из готических соборов, или монстров из средневековых bestiaries, или загадочных полотен Босха.